

Хулелидзе Татьяна Ваноевна

ученица 9 «А» класса

МБОУ Лицея № 2 г. Михайловска

Ставропольского края

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ: ТЕРРИТОРИЯ ДЕТСТВА БРАТЬЕВ ЗВЕРЕВЫХ В ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В последнее время «дети войны» как поколение становятся объектом все большего внимания со стороны исследователей Великой Отечественной войны. Сейчас они все чаще выступают как последние свидетели, которые еще могут описать свой военный опыт в воспоминаниях, интервью и рассказах. Эти сведения, как правило, мало информативны для воссоздания фактической истории войны. Однако они очень ценны для реконструкции военной повседневности, семейного быта и локальной истории.

У детей своя война. Не размышления о причинах войны, не анализ стратегических событий, не оценка крупных сражений, не организация работы по обеспечению армии... У детей войны – это просто жить, просыпаться и думать о еде, терпеливо воспринимать то, что происходит, и бояться, и страдать... Потому что их детство сгорело в огне войны. Воспоминания детей войны бесценны. Их память отметит, наверное, не самое важное, возможно, мелочи, пустяки. Но это – память сердца. Они точно знают, что рассказать правнукам. Рассказы «детей войны» о своем «негероическом» опыте на протяжении десятилетий не были включены в общественный дискурс о войне. Однако сейчас устные истории могут помочь восстановить картину повседневной жизни людей в оккупации, способы их взаимодействия с

Великая Отечественная в истории моей семьи

оккупационной армией, а также воссоздать колорит провинциальных городов и деревень довоенного и военного времени.

«Терпеливые дети войны»... – так сказал о себе и своем младшем брате Зверев Василий Ефимович в конце большого и славного пути, подводя итоги в своих воспоминаниях и стихах. Мне было 10 лет, когда он умер. Я редко встречалась с ним и не особо внимательно слушала воспоминания двух братьев Зверевых – Василия Ефимовича и Виталия Ефимовича. Сейчас мне 15 лет. Остался в живых только младший – Зверев Виталий Ефимович – мой дедушка. Теперь я ловлю каждое сказанное им слово, рассказ о каждом эпизоде их жизни. Ему 88 лет, но он полон физических и духовных сил, имеет прекрасную память и является самым интересным для меня собеседником. А еще он позволил мне изучить личный архив старшего брата Василия Ефимовича. В нем воспоминания о детстве, периоде войны, годах юности и зрелости, доклады и выступления на торжественных мероприятиях, письма и стихи. Интересный и богатый материал о жизни простого сельского мальчишки, детство и юность которого пришлось на время страшной войны, ставшего впоследствии настоящим патриотом, тружеником, достойным гражданином своей Родины. Это же можно сказать и о моем дедушке Виталии Ефимовиче.

Рассказы Виталия Ефимовича, изученные свидетельства о событиях военных лет дали мне возможность не только получить важную информацию, но и мысленно пережить те страшные времена, увидеть глазами мальчишек, почувствовать их сердцем страх и отвагу, ненависть и любовь, отчаяние и радость победы. Такое общение с живыми свидетелями бесценно. Как хорошо, что жив мой дедушка – один из последних в нашем роду свидетель войны. Для него оккупация родного села немецко-фашистскими захватчиками – один из самых ярких и трагичных периодов в жизни.

Великая Отечественная в истории моей семьи

Вот как он вспоминает эту часть своей жизни: «В начале августа стояла жара. Через село шли небольшие группы отступающих солдат Красной Армии. Они проходили тихо. Молча. Останавливались у криницы умыться и выпить воды. Сельчане не трогали их. Иногда кто-то спросит: «Надолго уходите, ребята?»»

Прибежал домой брат Вася и закричал, что немцы взяли Солдатку (село Солдато-Александровское). Значит, скоро будут здесь. Мы с ребятами тайком от взрослых побежали к церкви, хотели влезть на колокольню и оттуда высматривать немцев. На берегу реки Кумы, недалеко от моста, стояла полуторка, и десяток наших солдат купались в реке. Вдруг по дороге показались немецкие мотоциклы. Мы первыми их увидели и стали кричать красноармейцам. Они все поняли, выбежали из воды, схватили одежду и ружья, сели на машину и быстро уехали. Немцы развернулись у моста, дали очередь из автомата нам вслед, посмеялись и уехали. А мы побежали всем рассказывать, как увидели немцев. При этом наивно недоумевали, почему наши красноармейцы не стали героически защищать наше село. Брат спокойно выслушал меня и сказал, что мы ничего не понимаем в военном деле и не имеем права рассуждать.

На следующий день после разведки в село вошли немцы. Все жители закрылись дома и со страхом наблюдали за ними. Они по-хозяйски заходили во двор правления колхоза, открывали склады, размещали технику и лошадей. Потом начались подворные обходы. Всех взрослых жителей согнали на площадь и объявили сход сельчан. Назначили старосту – немца, жившего в селе и работавшего директором школы. Представили людям полицаев из наших же жителей, объявили комендантский час и потребовали прийти на регистрацию коммунистов, комсомольцев, активистов и евреев. Село замерло в страхе. Евреев из Ленинграда заставили пришить на одежду шестиконечные звезды.

Великая Отечественная в истории моей семьи

Жителей стали выгонять на работы. Раненых и недолеченных в госпиталях Кавказских Минеральных вод красноармейцев, вернувшихся в село, заставили служить охранниками на хозяйственных объектах. Начали проводить сбор продовольствия для немецкой армии. Узнав от полицаев о спрятанном во дворах колхозном зерне, требовали его сдачи на склад. За неповиновение грозили расстрелом. Но наши колхозники зерно не выдавали. Сами немцы по дворам не шарили, для этой грязной работы у них были предатели – полицаи. Один из них жил на нашей улице. За службу немцы выдавали им продукты. Так вот этот негодяй всегда шел по улице и гордо нес домой трехлитровую банку растительного масла, сало, крупу, шоколад, выставляя это все напоказ, как бы дразня голодных односельчан. Люди плевали ему вслед, а он смеялся.

Потом в село вошло румынское подразделение. Эти были хуже немцев. Немцы смотрели на нас свысока, брезгливо, а румыны не стеснялись откровенно грабить. Однажды, когда я был дома один, двое из них вошли в комнату, увидели сундук, запертый маленьким замочком, сбили его прикладом и вытащили всю одежду. Со смехом перебирали ее, лучшее откладывали в сторону. Обшарив всю комнату, забрали все, что захотели, направили на меня автомат и сделали вид, что стреляют. Так потом «шутили» не раз и немцы, наслаждаясь детским страхом. Румыны обобрали таким образом практически каждый двор. Куда они девали добро, не знаю. У нас опять наступили голодные дни. Колхозное зерно доставать нельзя: узнают немцы. Купленные на элеваторе запасы заканчивались. А тут еще новая проблема: к нам на постой определили двух немцев с лошадьми. Одна комната, кровать, стол, сундук и печка. Мама, мы с братом и два немца несколько месяцев жили в тесной хате. Кое – как разместились: мы с Васей на печи, мама на сундуке, немцы на кровати. Лошади у немцев были крупные, сильные, предназначены для упряжки в тяжелые орудия. Нашу бедную коровку выгнали на холод, а в хлев стали загонять

Великая Отечественная в истории моей семьи

лошадей. Каждое утро немцы умывались, брились, завтракали и уходили на службу, как на работу. А вечером возвращались ночевать. К ужину мама должна была приготовить им вкусную еду. Уходя на службу, они заказывали ей: «Матка, курка, яйка, молеко», и наставляли на меня автомат со словами: «Пух-пух». Сначала я пугался: а вдруг выстрелит, потом привык. А мама привыкнуть не могла, сразу замирала и крестилась. К вечеру у нас по комнате плыл аромат вареной курицы, на тарелке лежали яйца, а в банке – молоко. У нас с братом от голода и этих запахов кружилась голова, мы выходили из дома, чтобы не мучиться. А еще на столе всегда стояла ваза с шоколадом и конфетами. Для нас, голодных детей, это была настоящая пытка. Мама просила: «Не трогайте, убьют». Я много не понимал, а брат был в бешенстве от того, что нам приходилось терпеть. Он говорил: «Понимаешь, они убили нашего отца, а мы еще и прислуживать им должны!» Ему было труднее, чем мне. Пятнадцатилетний юноша, сын убитого немцами отца, должен был терпеть страшные унижения. Вернувшись вечером в грязных сапогах, немцы заставляли его снимать их и при этом давали ему сильный пинок в спину, чтобы сапог снялся с ноги. Брат улетал с сапогом на два метра. К утру сапоги должны быть вымыты и высушены. Как он ненавидел этих представителей «высшей расы», считавших нас недочеловеками. Все время придумывал, как их убить. То хотел найти ядовитые грибы и подмешать их в еду, то мечтал достать гранату, то украсть автомат. Мама умоляла его терпеть, боясь, что всех нас убьют. Так продолжалось почти полгода.

В один из осенних дней прибежала соседка, у которой жила семья евреев, и сказала, что их сгоняют в центр села с вещами. Взрослые в тревоге обсуждали эту новость и крестились своему православному Богу, чтобы он защитил евреев. Мама меня послала к тетке на край села, и я уже забыл об утренней новости. Мы вышли из дома с теткой и увидели на дороге группу

Великая Отечественная в истории моей семьи

людей. На двух телегах сидели еврейские маленькие дети и несколько стариков. Остальные шли пешком. Их было несколько десятков. Я увидел своих знакомых ребят и тетю, жившую по соседству. Она махнула мне рукой и стала что-то кричать. Сопровождавшие их полицаи закричали на нее и повернулись к нам. Моя тетя быстро схватила меня за руку и втащила в дом. Они ушли в село Горькая Балка, где присоединились к таким же евреям, и дальше их угнали в степную балку. Там произошла страшная казнь невинных людей. Об этом говорило все село. А я на печке захлебывался слезами, представляя, как расстреливают ту тетю – еврейку и ее дочку. На их месте я представлял себя, Васю и маму. Вот когда мне по-настоящему стало страшно. А еще через два дня мы увидели жену полицая в красивой кофте, которую раньше носила молодая еврейка из Ленинграда. Только звезды на ней уже не было. Я подумал, что это ужасно, и Бог ее накажет. Мы долго говорили об этом с мамой, и она сказала, что я взрослою и все понимаю правильно.

Двадцать лет назад поисковый отряд школьников из села Горькая Балка проявил инициативу собрать средства и установить памятник на месте расстрела еврейских семей. Их поддержали ребята из других школ. Теперь в степной балке стоит памятник расстрелянным детям от таких же детей нового столетия, помнящих о невинных жертвах даже через десятки лет.

Немцы хотели показать, что они заботятся об оккупированном населении. Открылась церковь, откуда-то появился в селе священник, и людей стали зазывать на богослужения. Взрослые говорили, что они через церковь хотят призывать народ к смирению. А потом открыли школу. Мы с братом не пошли, сказали, что у нас нет обуви и одежды, потому что ее забрали румыны. После освобождения села священник и учителя, которые работали при немцах, быстро уехали. Остался староста, которого сразу арестовали. Но жители села собрали подписи в его защиту. Он не прислуживал немцам, не сдавал семьи

Великая Отечественная в истории моей семьи

коммунистов и командиров, не торопился составлять списки молодежи для отправки в Германию. Не передавал немцам доносы от полицейских и просто жителей села, а уничтожал их, говоря, что потерял. Когда ночью пришли наши разведчики, он передал им все сведения о расположении орудий и пулеметных точек в селе, о количестве немцев и лошадей.

День накануне освобождения села был для нас самым тревожным. Немцы готовились к отступлению и были очень злы. Наши постояльцы подготовили лошадей, собрали свои вещи, потребовали от мамы еды в дорогу. Приближался вечер. Немцы погрузили на лошадей свои вещи и схватили брата Васю. Заставили его одеться, посадили на лошадь и увезли с собой в качестве помощника и прислуги. Они хотели, чтобы он отступал вместе с ними. Мама просила отпустить Васю, немцы, как всегда, направили на нее, потом на меня автомат со словами: «Пух-пух» и уехали. Это были самые страшные после получения похоронки для нас с мамой часы. Она плакала и молилась, а я стоял на улице и смотрел в темноту. Вдруг из огородов кто-то забежал к нам во двор. Я очень испугался. А потом чуть не закричал от радости: это был Вася. Он зажал мой рот со словами: «Тише». Мы вошли в дом и сразу спрятались на печке. Вася рассказал, что он чудом сбежал, дождавшись темноты. Нашему счастью не было предела.

9 января 1942 года в село вошли передовые части Красной армии. Наши солдаты выглядели совсем не героями. Стоял холод, а они были одеты в легкие шинели, в разбитых сапогах. И что меня больше всего поразило – голодные. Они по одному заходили в наш дом, становились у двери и молча, даже как-то виновато, смотрели на хозяйку. Мама плакала, доставала хлеб, отрезала краюху и отдавала ее солдату. Он быстро благодарил и уходил. За ним следовал другой. Так мама со слезами раздавала наш скудный запас на день. И я вспомнил сытых и довольных немцев, наглых румын, имевших еду, одежду и обирающих

Великая Отечественная в истории моей семьи

бедных женщин и детей. Повзрослев, я все думал о том, какую же силу духа надо было иметь нашему народу, чтобы победить сильную, сытую и наглую фашистскую армию.

Но это давалось нелегко. Мне в этот день пришлось наблюдать картину, когда недалеко от нашего дома конный отряд разведки только что форсировал в январские морозы реку Куму. Разведчики спешили после погони за немцами, уставшие, мокрые, замерзшие, а командир ставит им задачу немедленно по коням и – следовать дальше. Разведчики замешкались, тогда командир вытащил нагайку и стал бить подряд лошадей, требуя немедленного исполнения приказа. Разведчики быстро вскочили на коней и двинулись вперед. Они ускакали, а я долго своим детским умом пытался понять, почему командир оказался таким злым. Брат Вася мне объяснил, что на войне бывает по-разному. Значит, так было надо. Много лет спустя, когда я уже работал секретарем райкома партии, мы пригласили на празднование 30-летия Победы тех, кто освобождал район от фашистов. На встрече я увидел того самого командира разведотряда, подошел к нему и рассказал о том, что видел мальчишкой в селе Отказном. Фронтовик покачал головой и сказал: «Героические подвиги красиво описывают в фильмах и книгах. А война – это смерть, боль, страх, усталость, измотанные нервы... Поэтому командир должен, исполняя приказ, быстро и уверенно командовать людьми, убеждая их, а иногда и принуждая к действию».

Командир – это сильная личность. Таких среди советских людей было немало. Но были и другие... Полицаи. Самый ненавистный из них, который жил на нашей улице, получил прикладом в зубы, а потом и немецкую пулю, когда цеплялся за телегу с немцами в надежде убежать вместе с ними. Других арестовали, проверяли, отправили в тюрьму. Еще меня поразили румыны. Немцы готовятся бежать, собирают военное имущество, а эти бегают по селу,

Великая Отечественная в истории моей семьи

ловят кур и гусей, отрывают им головы и складывают в мешки. Потом ночью они убежали первыми. Вот так для немцев и румын бесславно закончились 9 января 1943 года дни оккупации Отказного». Но война еще не закончилась. Впереди потянулись трудные дни военной истории. Предстоял нелегкий путь до Великой Победы.

Оккупация... Маленькие дети в этот период стали маленькими взрослыми. Быть в оккупации, вздрагивать от взрывов, сжиматься в ужасе, когда на тебя направлено дуло автомата, знать, что такое – нечего есть ни сегодня, ни завтра, ни, может быть, еще несколько долгих дней и ночей. Мечты об освобождении от оккупантов в январе 1943 г. сменились ежедневными заботами о доме, стремлением помочь советским солдатам, поющим за Победу. Жизнь в тылу заставляла людей мобилизовать все жизненные силы для выполнения нелегких задач: восстановления разрушенных оккупантами домов, возрождения хозяйства, помощи фронту. Эта часть жизни братьев Зверевых навсегда отпечаталась в их памяти. Яркие картинки, повествующие о невероятной силе советского народа, идущего в Победу.

